

Едва услышав имя этого месяца, ласкающее слух сочетанием мягких звуков, мы поймём: вот-вот придёт на землю что-то светлое, тёплое, радостное. Робким котёнком, неслышимым и невидимым, просочится молодой апрель в кроны деревьев, в заснеженные поля, в страшные глазницы покинутых изб, а с рассветом начнёт наводить свои апрельские порядки. Словно рыжий конь, вознесётся, в чистую лазурь неба, солнце. И там, где волшебные лучи его, достигнут земли, сразу потеплеет, снег окрасится в мягкий розовый цвет, а озорные ручейки побегут наперегонки будить реки. Воспрянет мир божий. Всё придет в движение, но хитроумному сорванцу апрелю и этого мало. Попадай ему красоту необыкновенную. Подчиняясь его желанию, даже растрёпанная серая ворона подчистится, чуть подсветлит свой наряд, и, усевшись на повесившую берёзу, вообразит себя жар-птицей. Крикнет, чтобы все обратили внимание. Зря крикнет; вымахнет из ближайшего леса ястреб-тетеревятник, увидит серую вображуюю и молнией метнётся к берёзе. Несдобровать бы вороне, но в апреле никому нельзя умирать, а потому стая нарядных галок, сорвётся навстречу ястребу и поднимет гвалт «на всю ивановскую». Да такой, что хищник, оглохший и нецензурно оскорблённый, повернёт к месту покинутой засады.

Всё живое в этом замечательном месяце сходит с ума. На что зайцы, народ трусливый, а потому благонадёжный и в сентиментальности не замеченный, вдруг совершенно потеряют свою длинноухую голову, соберутся в кучу на опушке леса и не только не прячутся, а, наоборот, выставляют себя напоказ, носятся друг за другом, как угорелье, а некоторые в нарушение техники безопасности верещат даже.

Урябчиков пересвист начинается, закрепление территорий и особые отношения к дамам. Звенят колокольчики в весеннем лесу, и люб человеческому сердцу их таинственный нежный призыв. Невольно улыбнёшься, когда воинственный петушок выскользнет из чаши и, не скрываясь, сядет на голую берёзовую ветвь. Жених, по высшему разряду, всегда пёрышко к пёрышку, и бровь алой кровью налилась, и ботиночки ещё зимние, пухом окаймлённые: красавец!

Глухари и тетерева в предутренней темноте песнопение начинают. По человеческому уложению, это, вроде как, нарушение трудовой дисциплины, а в природе другой расклад и даже зарянка - птица с гулькин нос - это знает. Про птихов и говорить нечего.

Только у людей всё наоборот.

Утром быстрей на работу; не до песен. Вечером устанешь, отдохнешь бы. Ах, нет. Соседи нарочного шлют: праздник у них, видите ли, троюродная племянница, где-то в Усинске живущая, по его указу президента о материнском капитале родила. Без указу она, видите ли, не могла. Ну, у соседей, понятно, праздник. Егорьев день. Племянница так сына прозвала. Вот и получается; она там из жадности родила, а ты тут, несмотря на усталость, водку пей, а потом ещё «поговорить». Сосед в грудь себя колотит: «Все великие люди родились в апреле». Перечислять начнёт: «Ленин, Гитлер-кровосос, и вот Егорка - пока ещё не определился». Стремнеет уж, а праздник в разгаре. Гармониста от тёплой жены изымут, стакан соответственно нальют. И вдоль по улочке тихой уснувшей деревни вдруг, как-то исподволь, грозно, словно ночной гром покатятся такие слова, от которых, у ребятишек, наблюдающих за праздником с полатей, забегают по спине холодные мурашки: «Плещут холодные

волны» или «Под снегом-то братцы лежала она». И так в яви всё сплетое представляется, что истовый страх всплеснётся в горячую кровь малолеток. Прижмутся друг к другу. Но вдруг перебрал басы гармонист, и, наполняя непонятным волнением, добрые маленькие сердечки зазвучат: «Словно замерло всё до рассвета». И потому, как старательно и нежно выводят взрослые каждое слово знакомой песни, ясно ребёнку: вот она Любовь. И на ней всё держится.

Наконец, гости расходятся.

Утром подстынет. Кто не катался по насту с полевых взлобков на подбитых железом санках, тот не знает, что такое восторг, что такое умопомрачительная скорость, и того не драли вицей за оборванные пуговицы на фуфачке. Жизнь! Прокрутин немножко назад, в те

Николай АЛЕШИНЦЕВ

Апрель

ка там ломтик подсолёного хлебушка есть. Слизнёт его шершавым язычком и довольнёхонек. Не знает ещё, что скоро отсадят его от материнских сосков, и это будет первым большим горем в его телячей жизни.

Апрельское тепло топит снег даже в тёжких сузёмах. Ожидая пополнения, пришли туда осторожные лосихи.

Медведица с медвежатами в поисках пропитания подходит к скотным дворам и на околицы деревень.

Подвсеохватывающий рокот тетеревов веселится на проталинах птичьи мелюзга. В деревнях, у отвоёванных от воробьёв домиков, вытянувшись в струнку, самозабвенно поют скворцы. Посмотришь, и станет ясно, кто учил оперных артистов. Грачи хлопочут у гнёзд. Голосок у них, не приведи господи, но, к удивлению, вполне вписывается во всеобщее ликование природы.

Вот уж махоньким жёлтым огнёчком зацвела на южном склоне мать-мачеха, а за ней чудо земное хрупкое и такое долгожданное - медуница.

Только не срываемте, пожалуйста. В пять минут повянут разноцветные мохнатые колокольчики. Не срываемте, пожалуйста!

Апрель! Почему-то хочется упасть на проталину подсохшей земли, и, ощущив могучий рокот сил возрождения, снова поверить в победу любви и добра.

Скоро, скоро земной рокот усиливается, и на всём протяжении речной излучины под радостные и отчаянные крики чаек сдвигается, издавая могучий сливающийся гул, речной лёд.

В высоком небе - стая белых лебедей. Радость и любовь в человеческом сердце. Что говорить, апрель!

Редактор выпуска Дмитрий ЕРМАКОВ.